

Л. А. Гордон,
доктор исторических наук,
Центр сравнительных политических
и экономических исследований ИМЭМО РАН
Н. М. Плискевич,
журнал "Общественные науки и современность"

Перекрестки российской истории

Для всякого, кто убежден, что жизнь не сводится к игре случайностей, первостепенный интерес представляет взгляд на нынешнее "смутное время" как на продолжение и следствие предшествующего развития. Обычно основное внимание при этом уделяется попыткам объяснить происходящее антагонизмами государственного социализма. Думается, однако, что события, потрясшие Россию в последнее десятилетие, нельзя объяснить исключительно внутренними причинами. Логика их развития укладывается в русло более общего процесса мировой истории, связанного с переходом человечества к новому — научно-индустриальному — этапу своего развития. Эта логика в конечном итоге привела к крушению государственно-социалистических порядков в большинстве стран бывшего, социалистического лагеря — как порядков, не способных дать ответ на вызов времени.

Потрясения последних лет выступают на этом фоне в качестве революционной реформации, сокрушившей госсocialизм и открывшей возможность перехода России к иному общественному строю. От нас зависит, будет ли это обычный капитализм или строй, который не совсем точно обозначается как посткапитализм, социальное государство, социальное рыночное хозяйство. На каждом из этапов этого перехода перед нами, как творцами своей истории, сама жизнь ставит проблему выбора. И каждое принятое страной решение, обладая уже собственной инерцией, диктует свои рамки возможного и невозможного при принятии последующих решений.

Поток преобразований и перемен длится уже почти десятилетие. Сдвиги, осуществленные за это время, каждый раз обозначали выбор на очередной исторической развилке. И каждый такой выбор менял поле последующих возможностей, создавал новые обстоятельства, влияющие на грядущие повороты и перемены. Поэтому недостаточно ограничиваться определением места событий 80—90-х годов на долговременной оси истории. Стоит пристальнее взглянуть на историю последнего десятилетия, попробовать понять, логику происшедшего в это время, понять какие пути мы выбираем и как этот выбор обуславливает наши возможности в обозримом будущем*.

Исходное перепутье: невозможность "китайского варианта". К 1985 г. в СССР сложилась не часто встречающаяся в истории ситуация, при которой большинство элит и контрэлит — правящих, оппо-

* Рассуждения на эту тему, предложенные участникам прошлогоднего симпозиума, были проиллюстрированы тремя схемами, которые могут быть интересны и читателям данного доклада (см.: Куда идет Россия: альтернативы общественного развития. М., 1994. Вып. I. С. 300—309).

зиционных, диссидентских — ощущало невозможность сохранения сложившихся порядков. В этом были едины и реформаторы, мечтавшие об укоренении в стране принципов демократии и рынка, и модернизаторы, убежденные, что все проблемы разрешит техническая реконструкция, и "ревизионисты", надеявшиеся на переход к демократическому социализму, и "ортодоксы", верившие в государственный социализм и желавшие восстановить слегка облагороженный сталинизм, очистив его от хрущевско-брежневских напластований.

Практически в 1985—1987 гг. реформаторские усилия советского руководства концентрировались в производственно-экономической сфере. Первые шаги были связаны с программой "ускорения", предполагавшей осуществление структурных перемен в народном хозяйстве. Выявившаяся вскоре невозможность изменения экономических пропорций без преобразования производственных отношений привела вскоре (в 1987 г.) к провозглашению хозяйственных реформ, которые, будь они претворены в жизнь, могли бы создать предпосылки для перехода к самостоятельности экономических субъектов и рыночным связям между ними. Идеологические же и политические перемены имели в первые годы перестройки очень ограниченный характер. В целом в тот период перемены в СССР разворачивались в той же последовательности, что и китайские реформы 70—80-х годов (изменения в экономике, не затрагивающие политическую и идеологическую надстройку).

Однако вскоре стало ясно, что у нас эта последовательность неосуществима. Видимо, китайская модель возможна, если реформы начинаются на сравнительно ранней стадии госсосоциализма — когда страна остается еще преимущественно аграрной, номенклатура еще не сложилась в мощный класс и безоговорочно подчиняется директивам Центра. У нас такие условия существовали, самое позднее, до конца 50-х годов. Советское руководство образца 1985 г. уже не обладало рычагами, способными заставить номенклатуру претворять в жизнь его реформаторские идеи. Преобразования декларировались, директивы принимались, но практически не осуществлялись.

Горбачев и Ельцин: разрушение партийного государства. К 1988 г. страна оказалась перед выбором — свертыwanie реформ или углубление их, включение в сферу реформирования и политических преобразований. Все, кто убежден в необходимости преодоления госсосоциализма, должны быть признательны М.Горбачеву за то, что он выбрал второй вариант. Принятая Горбачевым стратегия состояла в стимулировании процессов демократизации и идейного плюрализма, отрывавших возможность преодоления номенклатурной оппозиции. Поворот к этой стратегии знаменовала XIX конференция КПСС в 1988 г. За ней последовал стремительный разлив гласности и преодоление идеологической монополии.

В итоге независимо от того, каковы были субъективные намерения вождей "революции сверху", объективно в 1988 г. произошла смена вариантов развития нашего общества. До этого времени осуществлялась попытка провести хозяйственные реформы без политических преобразований, а после 1988 г. начались одновременные сдвиги и в политике, и в экономике. Последующие события можно

рассматривать как следствия сделанного выбора. С этой точки зрения путч 1991 г. и его провал были не поворотным пунктом, а лишь катализатором, ускорившим события.

Как ни велики тяготы нынешней жизни, бесчестно отрицать демократические обретения, которыми отмечено развитие нашей страны после переворота 1988 г. и, в особенности, после августа 1991 г. Не будем забывать об утверждении свободы слова, свободы политических организаций. Еще большее значение имеет тот факт, что в массовом сознании крепнут начатки демократических идеалов, убеждение, что общество в принципе должно строиться на основах самоуправления, свободы, законности.

Нет спора, складывание демократии и гражданского общества идет несравнимо медленнее, чем разрушение устоев прежнего порядка. Поэтому правильнее называть произошедшие перемены не столько рыночно-демократическими, сколько анти тоталитарными. В любом случае, при самом негативном отношении к действиям советского, а затем и российского руководства нельзя отрицать, что перемены в политической сфере, начатые в 1988 г. и продвинутые в 1991 г., парализовали сопротивление консерваторов, позволили продолжить процесс реформации.

Заслуга Горбачева и Ельцина состоит в том, что они поняли "(может быть, бессознательно ощутили) необходимость сокрушить политическую систему госсocialизма. В текущей злобе дня на первый план нередко выходит их соперничество, подчас вражда. Однако в долговременной перспективе различия тут второстепенны. Объективный смысл этого столкновения в том, что Горбачев и его окружение, начав реформы, на каком-то этапе стали препятствием их дальнейшего развертывания, а Ельцин и поддержавшие его силы устранили это препятствие.

Победа и поражение. Разрушение партийного государства дало надежду выйти из тупика, избежать реставрационной катастрофы. Но благо здесь неотделимо от трагедии. Ибо слом политических и идеологических устоев госсocialизма, особенно если он происходит одновременно с экономическими преобразованиями, неотвратимо ведет к катастрофическому ослаблению государственности. Из госсocialизма того типа и той стадии, какие были характерны для нашей страны, нет мягкого выхода. Сохранение госсocialизма ужасно, но и преодоление его тягостно и рискованно.

Уничтожение власти партийно-государственного аппарата в ситуации, когда экономика еще остается нерыночной и все институты общественного порядка построены так, что способны эффективно работать лишь под воздействием этого аппарата, затрагивает системы жизнедеятельности в каждой точке общественного организма. Возникает вакуум управления на всех уровнях — не только в Центре, но и на местах, в любом районе, поселении, на каждом предприятии.

Столь же характерна криминализация общественной жизни. Преступность приобретает такие формы и масштабы, что начинает подменять государство, прежде всего в сфере становления рыночных отношений. В известном смысле криминализация представляет собой реакцию на отсутствие государственного вмешательства. Вместо милиции "защиту" торговцев осуществляет рэкетир, взыс-

кать долги коммерсанту легче с помощью обращения к преступному миру, чем через суд или арбитраж.

Понятно, что ослабление государственности нарастало постепенно. Распад партийного аппарата происходит не мгновенно. К тому же еще некоторое время работает инерция заведенных порядков. Но со временем разрушительные последствия слома партии-государства выявляются во всей полноте. Одновременно становится очевидным, что попытки остановить такой слом, пока он не подорвал устои прежней политической системы, оказываются борьбой против реформ как таковых. Этим определяется исторический смысл разгрома путча 1991 г.

Подчеркнем еще раз: нынешний российский кризис достигает особой глубины и приобретает черты разрухи, потому что его органическим элементом стало чрезвычайное ослабление государственности. В таких условиях углубляются и остальные составляющие переходного кризиса, в том числе и хозяйственно-экономические. Дело не столько в Ельцине, Гайдаре или Черномырдине (при всех их ошибках и слабостях), сколько в том, что экономические реформы приходится вести в обществе с полуразрушенным государством.

Восстановление порядка: ловушка для демократов. Если до недавнего времени ослабление государства было необходимой платой за возможность продолжать отход от госсocialизма, то ныне положение изменилось. Старая номенклатура рассеялась или ассимилировалась в новые структуры. Те органы, которые превращали советское государство в государство-партию, разрушены и не составляют более препятствия для развития страны. Наоборот, препятствием становится чрезмерная слабость здоровой части государственных механизмов, опасно поврежденных в процессе "иссечения" злокачественных элементов тоталитарной государственности. Естественно, под восстановлением нормального уровня государственности мы понимаем не реставрацию отживших (хотя и привычных для очень многих) механизмов всеобщего огосударствления, а создание и укрепление нормальных институтов, обеспечивающих законность и порядок в рыночном обществе. Думаем, что сегодня восстановление новой государственности — ключ к решению других наших проблем, включая экономические.

Но процесс воссоздания государственности также сопряжен с серьезными опасностями, обусловленными невозможностью мгновенного формирования зрелой демократии. Такая демократия всегда возникала в ходе длительных перемен, через промежуточные ступени имущественных, сословных, образовательных цензов. В этом смысле правы были А.Мигранян и И.Кляшкин, еще в начале перестройки заговорившие о периоде авторитарного развития России после крушения тоталитарного государства и лишь затем о переходе к демократии. Но широкие исторические обобщения верны лишь в абстракции.

В начале революций и революционных реформаций вера в быструю достижимость идеала получает широчайшее распространение. Стремление сразу же осуществить то, что может быть достигнуто лишь в результате долгого развития (или то, что вообще неосуществимо), составляет типичное свойство таких периодов. В то

же время продвигаются вперед в возможных пределах удается лишь в том случае, если делаются попытки выйти за пределы исторически возможного и уйти дальше. Одновременно подобные попытки становятся одним из факторов хаоса и обострения конфликтов, которые на средних этапах революции сменяют всеобщее единство и оптимизм ее начала. Со временем бедствия и разрушения подводят общество к пониманию того, что попытки немедленно осуществить полную демократию оборачиваются распадом социума. И тогда наступает завершающая стадия революции — стадия стабилизации, восстановления "нормы".

События конца 80-х — начала 90-х годов в России вполне укладываются в эту схему. Переход к политическим преобразованиям до завершения экономических реформ закономерно вылился в попытку быстрого достижения полной демократии. Без этой "забегавшей вперед" устремленности к демократическому идеалу сокрушение партийного государства было неосуществимо. Однако теперь, когда главной общественной потребностью стало восстановление государственности, мобилизующее действие безоглядного, не считающегося с действительностью скачка в демократию потеряло смысл. Наоборот, все сильнее стала выступать деструктивная роль преждевременного развертывания тех демократических институтов, для которых у нас еще не сложились условия. В обществе зреет убеждение, что надо поступиться полнотой демократии ради укрепления государственности.

Но здесь-то и таится угроза! Закономерное в конце революционных потрясений отступление к неполной демократии легко обращается в возврат к неограниченному авторитаризму, а то и к попыткам создания нового тоталитарного режима. У нас подобная опасность особенно велика. Ни у элит, ни у масс нет демократического опыта. В народном сознании нынешний хаос прямо отождествляется с демократией, и ему в этом сознании противостоит порядок с авторитарно-патерналистскими чертами. Практически нет представлений о промежуточных системах.

Сегодня, как и в 1988—1991 гг., общество стоит перед новой развилкой, в которой скрыта историческая ловушка. Если ранее необходимость начать политические преобразования до того, как для них были созданы экономические предпосылки, порождала опасность всеобщего распада государственности, то теперь необходимость усилить жесткость государственной власти порождает опасность "проскочить" достаточную меру подобного усиления, перейти не к полудемократии, а к новой диктатуре.

Вероятное и невероятное: мыслимые сценарии. Неизбежность тяготения общества к твердой власти не означает, что Россия обречена на безвариантное развитие. Напротив, осознание этой неизбежности, позволяя отделить возможное от невозможного, только повышает эффективность усилий, направленных на осуществление реальных вариантов.

Все реальные сценарии, так или иначе, связаны с усилением жесткости государственности власти. Но они кардинально различаются по степени развития авторитарных тенденций, их вероятной продолжительности, а также по тому, как решаются в том или ином варианте

задачи экономических реформ и отношений с мировым сообществом.

Вполне реальны, к сожалению, варианты, в которых интенсивное нарастание авторитарности увязывается с резким усилением государственного вмешательства в производство, с утверждением национализма в качестве государственной идеологии, с воинственно-имперским или изоляционистским курсом внешней политики. В противоположность абсолютно нереализуемым идеям левых коммунистов и социалистов, курс на сочетание авторитарности, огосударствления экономики, национализма и примитивного коммунизма можно считать курсом коммунистического реализма. Активность большинства коммунистических партий и групп, а также организаций типа "Трудовой России" говорит о наличии сил, выступающих за такое развитие.

Еще вероятнее другой сценарий интенсивного авторитарного развития — национально-авторитарная эволюция в чистом виде. В этом случае страна двинется в сторону сильной авторитарной власти, не ориентируясь на реставрацию госсocialистических порядков. Возможно и определенное развитие рынка, частнособственнических отношений. Несвязанность с прошлым делает некоммунистический авторитаризм очень вероятным вариантом нашего развития.

Отмечая разницу указанных вариантов, не стоит преувеличивать их различия. Не исключено, что совместные действия фашистов, крайних националистов, религиозных фанатиков и коммунистических экстремистов со временем могут превратиться в органическое единство.

Близость друг к другу сценариев интенсивного авторитаризма подчеркивает принципиальную противоположность им третьего реалистического сценария — сценария умеренного авторитаризма, своего рода полуавторитарной-полудемократической эволюции. В ходе такой эволюции также не приходится ждать быстрого перехода к классической демократии. В лучшем случае, в нынешней России сможет утвердиться лишь демократия ограниченная, частичная. Однако полудемократия — это и есть демократический реализм сегодня.

Как конкретно будет строиться организация общественной жизни, с какими именно ограничениями демократии придется мириться, зависит от непредсказуемого хода событий и соотношения сил. Похоже, например, что нам не одолеть потопа преступности без чрезвычайных мер. Однако ограничения вовсе не означают полного устранения демократических свобод. Напротив, применение, например, чрезвычайных средств в борьбе с преступностью станет лишь более эффективным, если их основой будет не произвол, а установленное законом экстраординарное увеличение полномочий государственных институтов. Конечно, сами правоохранительные органы у нас коррумпированы. Но это значит только то, что борьбу с преступностью надо начинать с "самолечения" государства, а в этих условиях особенно важно сохранять и развивать гласность. Именно гласность дает надежду на успех в противостоянии угрозе произвола и беззакония, всегда возникающей при введении чрезвычайных мер.

Другая область, где обозначилась реальность полудемократических-полуавторитарных порядков, — сфера разделения властей. Попытка сразу же сделать их совершенно равноправными оборачивает-

ся, как это было в 1992—1993 гг., соперничеством, перерастающим сначала в двоевластие, а затем и в безвластие, бунт, братоубийство. В современных российских условиях нужен более грубый и простой механизм. Такой механизм, в котором опасное соперничество властей не возникает просто потому, что одна из них — президентская — своими полномочиями существенно превосходит остальные.

Естественно, такая система далека от идеалов демократии. Но она отнюдь не обязательно выливается в неограниченную авторитарную диктатуру. Хотя опасности такого перерождения здесь постоянно присутствуют, нельзя также забывать, что и наш собственный опыт, и опыт других стран (скажем, Мексики или Турции 30—50-х годов) подтверждают принципиальную возможность удерживать среднюю линию. В рамках такой линии элементы авторитарного единовластия сосуществуют с элементами разделения властей. И представительная, и судебная власти (в отличие от полного авторитаризма) продолжают сохранять, пусть и ослабленные, "свернутые", черты самостоятельности. Сохраняется также принцип, идея разделения властей, к полноценной реализации которой общество приближается по мере восстановления государственности и развития политической культуры.

Трудности проведения умеренной линии так велики, что расчет на одно лишь благоразумие и искусство правящей элиты вряд ли дает основание для серьезной веры в успех. Полудемократический-полуавторитарный курс удастся выдержать только при условии, что проводящая его власть будет испытывать давление со стороны демократической общественности — независимых политических организаций, социальных движений, демократических профсоюзов, культурных объединений. События конца 80-х — начала 90-х годов не раз доказывали, что демократические организации и рабочее движение способны защитить курс реформ или подтолкнуть колеблющихся реформаторов.

В заключение нельзя не отметить, что представленные здесь варианты развития российского общества образуют схему, характеризующую наше понимание основных тенденций, но никак не прогноз конкретного хода событий. Полудемократическая-полуавторитарная эволюция, некоммунистическое или национально-авторитарное развитие — это лишь точки координат, позволяющие оценить веер реальных возможностей. Курс на немедленное осуществление полной демократии в соединении с рынком, равно как и линия на полную социальную демократию в сочетании с общественной собственностью, показывают границы, отделяющие возможное от невозможного.

Впрочем, в чистом виде вряд ли осуществляются и те варианты, которые мы рассматриваем в качестве возможных. В действительности развитие, наверное, будет представлять собой некоторое сочетание "чистых" вариантов: нечто, лежащее между полудемократической и полной авторитарностью либо какое-то соединение авторитарности двух вышеназванных типов. Не случайно выразителями наиболее последовательных, "классических" вариантов мыслимой эволюции в России выступают сегодня относительно слабые, маргинальные группы. Основные политические образования хотя и тяготеют к тем или иным вариантам, в целом занимают, скорее, промежуточные пози-

ции. Но в любом случае конкретный выбор пути в немалой степени зависит от представлений общества о границах возможного и невозможного в сегодняшней России. Для тех, кто верит в ее демократическую перспективу, ясность, рационализация массового сознания важнее, чем для кого-либо еще. Ибо, в конечном счете, демократам не на что надеяться, кроме как на здравый смысл и чутье активных, культурных, политически ответственных слоев общества, которые, по сути, и вершат его историю.

Вопрос. Леонид Абрамович, не кажется ли Вам все-таки, что утверждение о попытках применения у нас "китайской модели", т.е. ограничения реформ экономической сферой до 1988—1989 гг., мало вяжется с реальными историческими фактами? Ведь и до этого было много сигналов, и в идеологической, и в политической области. Вспомним, например, пятый съезд Союза кинематографистов, постановки пьес М.Шатрова. Это были одни из первых сигналов и отнюдь не экономические, а именно политические.

Ответ. Возможно, в нашем докладе не совсем точно сформулированы эти методологические попытки. Вероятно, здесь нужно говорить "по большей части, экономические преобразования", "в меньшей степени — политические перемены" и т.п. Ведь дело в том, что и в Китае, строго говоря, нельзя говорить только лишь об экономических переменах. Сам факт решимости начать преобразования, конечно, не чисто экономический факт. Но это не отменяет, по моему, того обстоятельства, что при сравнении реальных действий, реальных политических стратегий все-таки просматривается существенная разница в последовательности действий, построенных исходя из "китайской модели", где также есть какие-то политические моменты, или в преобразованиях, ведущих к размыванию стержня партийно-государственной системы. Вот такие изменения начались в нашей стране после 1988 г. В качестве рубежа нам видится здесь XIX конференция КПСС.

Вопрос. На предложенных Вами графиках* ось "демократия—авторитаризм" соответствует оси "приближение к Западу — конфронтация с Западом". Конечно, упрощение на схеме неизбежно, но не думаете ли Вы, что здесь произошло слишком большое упрощение? Не секрет, что есть влиятельные силы на Западе, которые при данных условиях предпочли бы видеть в России элементы авторитаризма, а не пугающую их нестабильность.

Ответ. К сожалению, такие настроения на Западе есть, и это никак не свидетельствует о мудрости западной демократии. Но в продемонстрированной схеме сделана попытка нарисовать картину отношений с Западом "изнутри" российской реальности. В России сегодня все выступающие против сближения с Западом (под которым я, естественно, подразумеваю некую социальную систему от Стокгольма до Токио) неизбежно становятся противниками демократии и демократического рынка в России. Не знаю, изменится ли что-либо в этой связи завтра, но ныне — это реальность.

* См.: Куда идет Россия: альтернативы общественного развития. М., 1994. Вып. I. С. 300—309.